

М. Горькій—о сіонизмѣ.

„Югъ“ переводитъ изъ газеты „Гамелницъ“ интересное сообщеніе о бесѣдѣ одного изъ сіонистскихъ проповѣдниковъ Цви Кождоа съ М. Горькимъ.

Когда я въ 4 часа пришелъ,—разсказываетъ г. Цви Кождой,—меня проводили въ рабочій кабинетъ, гдѣ я засталъ знаменитаго писателя за рабочимъ столомъ. Несмотря на свою усталость, онъ открыто выразилъ свою радость по поводу удобнаго случая побесѣдовать о евреяхъ съ евреемъ „черты осѣдлости“.

— Неужели вамъ не случилось знать евреевъ „черты осѣдлости“ и приходится о нихъ судить по мѣстнымъ евреямъ, совершенно изолированнымъ отъ коренной еврейской массы?—былъ мой первый вопросъ.

— Евреи мнѣ вообще знакомы, такъ какъ я, будучи простымъ рабочимъ, работалъ поочередно у еврейскихъ колонистовъ херсонской и екатеринославской губерній. Я у нихъ часто бывалъ „шабось-гой“, т.-е. тушилъ лампу въ пятницу вечеромъ, носилъ за ними вещи въ субботу и пр.

И правду сказать, я никогда не забуду этой красивой, естественной святости, присутствующей этой націи, видомъ которой я наслаждался, особенно же ихъ свѣтлой семейной и домашней жизни. И теперь, когда я все это вспоминаю, я чувствую какой-то подъемъ духа, который у меня появлялся, когда я получалъ ломоть бѣлаго хлѣба „халѣ“ или пирога за мои услуги въ субботу.—Но теперь, какъ мнѣ кажется, евреи удалились отъ этой простоты, и у нихъ уже нельзя найти той поэзіи жиз-

ни, которая меня, бывало, приводила въ восторгъ.

Жаль, что эта оригинальность еврейской націи исчезаетъ въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ вообще.

— Увѣряю васъ, дорогой писатель, что эта оригинальность еще не исчезла у евреевъ, и въ „еврейской чертѣ“ вы еще можете найти, именно, эту поэзію жизни, которая васъ такъ влечетъ, и, потому, мой совѣтъ посѣтить моихъ братьевъ въ чертѣ осѣдлости.

— Я уже давно рѣшилъ сдѣлать это потому, что хочу выразить свою любовь къ еврейскому народу, не какъ человѣкъ, сожалѣющій и сострадающій мукамъ преслѣдуемаго и угнетеннаго народа—но какъ благодарный за все то благо и добро, которое оказалъ еврейскій народъ цивилизованному міру въ то время, когда его этотъ цивилизованный міръ преслѣдовалъ разными тяжелыми пытками и гоненіями. А мое самое сильное желаніе—видѣть евреевъ, какъ остатокъ древности, чтобы убѣдиться, что судьба сохранила ихъ, какъ показателя величія націи въ древнемъ мірѣ.

Затѣмъ, М. Горькій и г. Кождой отправились въ синагогу, гдѣ ожидался докладъ делегата о сіонистскомъ съѣздѣ.

Женская половина—мѣсто собранія—была зацолнена народомъ. Когда мы вошли туда, всѣ взоры устремились на почтеннаго писателя, которому съ трудомъ удалось протиснуться до предсѣдательскаго мѣста. Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ усѣсться, докладчица, какъ будто нарочно заговорила о томъ, что на минскомъ съѣздѣ рѣшено не допускать въ кругъ сіонистовъ христіанъ, такъ какъ, добавила отъ себя она, христіанинъ, какъ бы онъ ни былъ честенъ и талантливъ въ качествѣ писателя, въ концѣ концовъ, останется антисемитомъ и будетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на жидовъ, старающихся забрать въ свои руки священную для него Палестину.

М. Горькій нѣсколько возбужденно возразилъ: „какъ вы, сіонисты, вуждаясь во внѣшней помощи и сознавая, что задачи сіонизма заключаются въ томъ, чтобы соединить еврейскія партіи, различныя по взглядамъ, и приблизить ихъ къ возвышенному идеалу вѣчнаго міра и общей солидарности, въ то же время въ началѣ сіонистскаго движенія сѣете вражду и нетерпимость между націями и увеличиваете ихъ взаимную антипатію“.

Присутствовавшіе въ засѣданіи сіонисты старались успокоить писателя, увѣряя его, что докладчикъ высказалъ только свое личное мнѣніе...

Все-таки, видно было, что слова делегата сильно взволновали Горькаго.

При разставаніи съ г. Кождоемъ М. Горькій сказалъ:

„Отъ моего имени передайте еврейскому народу, который очень любимъ мной и дорогъ для меня, что въ скоромъ времени я ознакомлю русскую публику съ хорошими сторонами евреевъ,—потому что о дурныхъ его сторонахъ трактовали сляшкомъ много.“